

1 место

[Игорь ЛУКШТ, Москва \(Россия\). "Чарка на посох"](#)

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы...
Густые снега заметают округу -
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покатый с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, -
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,
нам с детства дарована тёплая доля -

петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом...
Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова -
кого же ты в хоженье славишь своим?

“Влекума любовью и болью, по ком
рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится...
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданы никем,
под небом высоким угрюмой отчизны
по градам и весям, от детства до тризны,
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром...
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке”...

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещение. Крепчает январская стужа -
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка, в смятенье и хладе,
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горные крохи ей клюв серебрят.

2 место

[Михаил ЮДОВСКИЙ, Франкенталь \(Германия\). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"](#)

Брейгель

В непросторных, но жарко натопленных хижинах,
Где уютный огонь, подружившись с камином,
Процарапывал контур фигур обездвиженных
На расплывшемся сумраке нежным кармином,
И от скуки заигрывал с утварью кухонной,
И крахмальную скатерть поглаживал робко,
И бока щекотал котелку меднобрюхому,
Где, ворочаясь сонно, ворчала похлебка –
В этих хижинах всё, от краев подлокотника

До проема окна с неприкрытою ставней,
Ожидало, застыв, возвращенья охотника,
Что ушел за добычей. А, может быть, стал ей.

Времена осыпались, белели и снежили,
Восхвалялись землей, небесами радели
И казались куда благодатнее, нежели
В неприглядной жестокости были на деле,
Разоряли дотла непокорные вотчины,
Малевали свой лик на священных иконах
И по снегу прошлись отпечатками волчьими,
Расписавшись в не менее волчьих законах.

В молчаливом лесу, где январское зодчество
Обнажает борьбу между светом и тенью,
Понимаешь, насколько сродни одиночество
Осознанию, бесстрашию и благословенью.
Забываются те, для кого ты стараешься
И по снегу шагаешь с заточенной жердью,
Словно ею черту провести собираешься
Между собственной жизнью и чьею-то смертью.
Вечный голод и холод роднят тебя с городом
И на этой дороге, суровой и длинной,
То представишь лису на плаще твоём воротом,
То оленя тушенной в котле олениной.

Из-за дальних холмов надвигаются сумерки,
Проникая под сердце зимою и тьмою.
Возвращаться с пустою охотничьей сумкою
Всё равно что по свету скитаться с сумою.
Ты спускаешься долу, следами уродуя
Этот снежный покров, этот саван Господен,
Из пустынного мира с жестокой свободой
В обитаемый мир, где никто не свободен.
Поднимаются хижины бурыми пятнами
Валит дым из трубы с величавою спесью.

И неясно, под кровлю вернуться обратно ли
Или мимо пройти и шагнуть в поднебесье.

3 место

[Игорь ЛУКШТ, Москва \(Россия\). "Чарка на посох"](#)

На Трубеже

Полощет дева на мостках
тряпицы розовых рубах.
Чуть в дымке, в зеркале реки
белеют рук тугие стебли -
живую гладь воды колеблют
и нежных лилий хохолки.

Кувшинок круглые листья,
что блюдца, мыты и чисты...
Косит лазоревым зрачком
Алёнин глаз, как на иконе,
язями плещутся ладони
над пескариным бытиём,

полны и лунны, как сервиз,
колени под глазурью брызг.
В плетенье трав на берегу
хрустит ребёнок босоногий
румяным яблоком, и боги
покой и Трубеж берегут:

лодчонок деревянных скрип,
грачиный хор, суров и хрипл,
на сходнях стуки топоров,
лёт ласточек, высокий, вёрткий,
далёкий говорок моторки
и свежий рыбаей улов.

А в голубых тенях раки
на волнах церковка рябит,
мерцает синий куполок
людской заступницы Марии,
дробятся башенки лепные,
свод неба светел и глубок...

4 место

[Ина Голдин, Париж \(Франция\). "Сосновице"](#)

Сосновице

При переезде нашлась
Семейная фотография
Желтые четкие
Лица мертвецов

Мертвецы всегда глядят
Серьезно
Светловолосая женщина,
Светлоглазый ребенок
В крестильной рубашке
На фальшивом море
В ожидании давно упорхнувшей птички
Представляется ателье
Залитое солнцем
Суевающийся чернявый фотограф
(До гетто - еще полвека)
Подписавший в углу фотографии:
"Сосновице"
Стершейся печатью чужой памяти
Тени моих предков приписаны
К Вильно, ко Львову, к Барановичам,
Их документы хранятся
В разбомбленной ратуше
Польского городка
Они бродят, неслышно и упорно
...Сосновице там нет.
Я звоню матери
Она говорит
Я не помню такой фотографии
Наверное, это не наша
У кого сейчас спросишь
Тени моих предков
Уходят из Вильно
Уходят из Барановичей
Неслышно на заре
Покидают Львов
Растворяются в пустоте
Пожелтевших зрачков
Мертвецов на фото
Мои предки ушли
Их больше нет.

5 место

[ЮДОВСКИЙ Михаил, Франкенталь \(Германия\). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"](#)

Лорка, или полет бабочки

Утро появляется из темноты,

Как из кокона, покрытое серой пылью.
Сердце лепестков распахивают цветы.
Бабочка разворачивает крылья
И летит. Ее неправильная красивая тень
Двигается по земле, окруженная светом.
Жизнь – это первый и последний день.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

Бабочка летит. Что она видит вдали?
Всякий полет яростен. Всякая цель нелепа.
Крылья опускаются в сторону земли.
Крылья поднимаются в сторону неба.
Сердечный труд и телесная лень
Свойственны бабочкам и поэтам.
Жизнь – это первый и последний день.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

Бабочка летит. В белом цвету
Стоят апельсиновые деревья.
Хочется всё полюбить на лету –
Для любви хватает и однодневья.
Полюбить миндаль, полюбить сирень,
Промелькнуть над крокусом и первоцветом.
Жизнь – это первый и последний день.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

Как ни пёстры крылья, но мир пестрей,
То запачкан кровью, то отмыт небесами.
Бабочка летит медленно – пуля летит быстрее,
Замерев на мгновение перед глазами.
Пули цель известна, и она точь-в-точь
Попадет в цель по знакомым метам.
Смерть – это первая и последняя ночь.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

6 место

[ЮДОВСКИЙ Михаил, Франкенталь \(Германия\). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"](#)

* * *

Ты говорила мне, будто летала над Витебском,
Будто бы город казался не больше, чем вытиском
С нежно любимого мной и тобой полотна –

С хатами, церковью, скрытыми дымкой предместьями.
Я тебя спрашивал: «Разве летали не вместе мы?»
Ты отвечала мне: «Нет, я летала одна».
«Где же был я?» «Я не знаю. Но там тебя не было».
«Я понимаю. Ошибся, наверное, небом я
И залетел не туда». «И, похоже, не с той», –
Ты отвечала с какой-то насмешливой горечью.
«Ты, очевидно, готова считать меня сволочью?»
«Я, очевидно, считаю тебя пустотой».
Радость моя, прекратим бесполезные споры мы –
Мы заблудились с тобою по разные стороны.
Сбиться с пути в сновиденьях моих и твоих
Проще простого. Когда-нибудь горечь уляжется,
Время покатится дальше под горку. Но, кажется,
Больше не снятся нам общие сны на двоих.
Я в сновиденьях твоих стал изгоем и выкрестом,
Я не летаю с тобою по небу над Витебском,
Мне не под силу начало по новой начать.
Всё-таки чем-то большое разнится от малого,
Всё-таки богово – Богу, Шагалу – шагалово...
«Что ты молчишь?» «Потому что мне легче молчать».
Я ухожу за холстом, за кистями и красками,
Зная, что должен мазками расправиться с масками,
Чтобы не сделалась домом родным западня.
Я затеваю заведомо что-то нелепое.
Хочешь – гляди, как пишу незнакомое небо я,
Там, где не будет тебя. И не будет меня.

7 место

[НЕМАРСКАЯ Марина , С-Петербург \(Россия\) . «Добро от добра»](#)

* * *

умрешь от сердца, но и живешь от сердца,
пока на лоджии сушатся полотенца,
и медлит в воздухе запах холодных яблок,
и бельева веревка слегка ослабла.

умрешь, пока звучит концерт для валторны
из радио точки на кухне, возле уборной,
и жизнь легка, как бабочка в мукомольне,
и помнишь боль, и не помнишь себя от боли.

8 место

[Дынкин Михаил, Ашдод \(Израиль\). "Три стихотворения"](#)

* * *

волновалась над кровлями осень
растекалась под пальцами кровь
просыпался Прекрасный Иосиф
в окружении тощих коров

потолок изучал равнодушно
под симфонию ржавых пружин
а в окне дирижаблевы туши
проплывали
и скверик кружил

неказистый такой, из бездомных
с голубятней на голом плече
и гонялся за сквериком дворник
осенённый метлой из лучей

фараон наклонялся над ними
хмурил лоб эбонитовый...
дул
Шу, в зарю погружая ступни, и
вверх тормашками в первом ряду

светотени ладоши сдвигали
так что сыпались листья с осин
золотыми сучили ногами
на траву опускались без сил

время, пятясь, из комнаты вышло
чиркал луч о сухую постель
замычал патриарх неподвижный
на полу меж коровьих костей

9 место

[ЧЕРСКОВ Сергей, Донской \(Россия\). "Чистый пустой лист"](#)

Дядя Лёша

Был дядя Лёша -

Дяди Лёши нет.

Азартно пил и наконец упился -
Забавный и неугомонный дед,
Когда-то отмотавший за убийство.

К подъезду гроб спустили. Ожил двор.
Народ собрался - ахи, охи, всхлипы...
Я слышу пиццикато - перебор
Когда-то им самим рождённой скрипки.

Мне первому её он показал -
Поглаживал по грифу, чуть не плача:
- Эх, помнят руки, погляди, пацан,
Почти готова, завтра буду лачить...

Рыбачил, забывая всё и вся...
С весёлым пролетарским красноречьем
Рассказывал, как чудо-карася
Измором брал на нашей чудо-речке.

Ладонью вытирал с обложек пыль,
Давая мне читать романы Яна...
Он много пил, конечно, крепко пил,
Но странно - я его не помню пьяным.

Он счастлив был, что ночи здесь тихи,
Что изредка они ему крошили,
Как хлеб для птицы, горькие стихи,
Его стихи...Но он любил чужие.

Сегодня тянет холодом с реки.
Придёт сентябрь. Потом - другое лето.
Но закрытые горькие стихи
Останутся кричать в тетрадных клетках.

10 место

[СПАРБЕР Александр , Москва \(Россия\) . "Другая жизнь"](#)

Пьяное

Погляди – за окошком зима. И над голыми кронами,
над балконами башен, подставивших ветру бока –
растекается воздух – тягучий и полный воронами –
черно-серыми пифиями, фанатками Спартака.

Завтра грянет весна! – так кричат они. – Снова зелеными
станут ветки, деревья; пробьётся, окрепнет трава,
и тогда, и тогда – мы закружимся над стадионами!
Завтра грянет весна! Завтра грянет весна! – но сперва –

(так пророчат они - распростёрты, крикливы, юродивы –
им известно скрипенье веков и биенье минут) –
– Но сперва, но сперва – вы помрёте, помрёте, помрёте вы,
И все матери ваши помрут, помрут, помрут!

Обними меня.
Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится...
Воздух полон воронами – так, что не видно ни зги...
Пожалуйста,
помоги мне укрыться от этого ужаса
Пожалуйста,
помоги.

